

Юрий КИТАЕВ

ЗИМНЕЕ УТРО

Рассказ

У Пантелеева было много книг. А кроме того он пил. Пьющему человеку жить трудно, а Пантелеев пил сильно.

Утро началось как ни в чем не бывало. Очень маленький кошмар. А кроме того Пантелеев вспомнил, что накануне встретил Прекрасную Даму. Такая веселая добродушная рыженькая стерва, жрица минутного, все обещающая, на все готовая. От обещаемого, ожидаемого, сладкого и неминуемого было светло и легко. Правда, пока еще ничего не произошло, всякие пустяки мешали, препятствовали, заставляли откладывать... Но все было впереди. Собирались даже ехать в Крым. Пантелеев уже видел жаркое южное солнце в пыльных окнах вагонов.

И еще много было прекрасного и приятного накануне. Ему подарили кучу замечательных книг и предложили хорошо оплачиваемую и необременительную работу.

Где это было? Пантелеев усиленно вспоминал. Вскоре догадался: это могло быть только во сне, *потому что больше я нигде не был.*

И все равно было еще легко и прекрасно.

А потом охватил страх. Нет, это был не тот страх, который терзает бедолаг сутками и более по выходу из запоя, темный, безотчетный, панический, когда даже в полдень стараешься подальше обойти прохожих на улице: для такого страха время еще не настало, Пантелеев был еще порядочно пьян. Сей утренний страх был понятен. Он знал, чего боялся. Это был страх нетвердости памяти.

Пантелеев не был богат. Да и часто ли наши пьяницы бывают богаты? Более того, он был беден. Правда, он работал, служил (инженером) и получал ежемесячно жалованье. Но что это было за жалованье! Денег в доме хронически не хватало, до скуки и тоски не хватало.

Пантелеев, впрочем, привык к своей бедности и сносил ее относительно кротко, но на сей раз это уже ни в какие ворота не лезло, это было уже совершенно непонятно что... Катастрофа...

Дело в том, что накануне он получил свое это самое жалованье и даже немного больше, чем обычно, а вот теперь, утром, никаких денег обнаружить не мог. Того, что нашлось, могло хватить, чтоб раз или даже два выпить и забыться, а дальше что? Вопросы возникали неразрешимые.

Он еще надеялся, разумеется, свои деньги найти, но искал и не находил, и чем дольше не ходил, тем страшней и беспомощней ему становилось.

Некоторая схема в его голове все же складывалась. Но ни утешения, ни облегчения она пока не приносила. В сущности все, может быть, могло быть очень просто. Бедный Пантелеев не слишком доверял своей жене и не совсем напрасно: уже случалось ему по милости любимой женщины оставаться в совершенной нищете (непохмеленности) и наедине со своими *естественными страданиями*, да, к слову сказать, он и себе самому не слишком доверял. Так что накануне, вернувшись, разумеется, пьяным, он мог спрятать деньги, чтоб ей нипочем не найти. Спрятал и забыл где. И теперь, утром, найти не мог. Ни в каких мыслимых местах денег не было.

Вот и явился этот страх, гнусный и липкий, страх больного и бедного человека: вдруг он и не спрятал нигде, а просто, будучи малосознателен, просто потерял навсегда?

О, эти темные вечерние пьяные зимние улицы... Где ходил, зачем?

Юрий Китаев родился в Москве, работал инженером, слесарем, учителем и др. Публиковался в журналах «Топос», «Знамя», «Нева»; предыдущая публикация в «Волге» – «Жалобная книга» (№ 5-6, 2023).

Если я потерял, значит кто-нибудь найдет. Кто-нибудь. Непременно... Непременно... Что ж... И это утешительно... – лихорадочно соображал Пантелеев, на самом деле утешаясь слабо.

Было раннее утро. За окном темно. Жадно допив оставшиеся со вчерашнего вечера глотки (крепленое вино, чуть меньше стакана), Пантелеев отчасти ожил и снова искал. Страх расширил свои пределы. Пусть даже не на улице, пусть даже здесь... Если так спрятал, как потерял?.. То есть когда-то найдется, наверно, но это уже все равно... Дело даже не в том, будет ли он жив тогда, когда найдутся деньги, нет, все было проще, деньги нужны были непременно сейчас: праздники приближались... Да и семья... Да и вообще – должны же быть в доме хоть какие деньги... Занять у кого-нибудь? Это было бы, может быть, замечательно, только, увы, нигде было занять: у всех, у кого можно, было уже занято и до сих пор не отдано, Пантелеев еще и с этих денег хотел хоть половину отдать... А их нет как нет. Но главное – праздники, праздники... Подарки детям... Ни конфет, ни пряников... Дети-то чем виноваты... А денег нет как нет.

В берлоге у Пантелеева было очень много книг, но очень мало порядка. Книги толпились на полках как поपालо, как умели, грудой лежали на столике, на полу, на подоконнике. Внутри, краем памяти Пантелеев помнил, что в какую-то из этих книг он и заложил между страниц деньги... Но в какую? Те, которые близко и на виду стояли, он проверил. В них не было.

Пантелеев сидел на полу и то нервно дрожал, то немного успокаивался.

Память, память... То сравнивают ее с лесом, то с полем, и никто, кажется, с быстротекущей водой...

Пантелееву случалось и прежде прятать деньги в книгах: и никому невозможно найти, разве перетрясти все, и сам он, ему казалось, всегда мог вспомнить: по литературным ассоциациям...

В голове Пантелеева причудливо кружилась и вращалась клочковатая пьяная дурь.

Было время смешивать и мешать, настало время разделять и властвовать... – бормотал он сам себе. – Ах, какая хорошая была до этого жизнь (не ценил, дурак), какая невыносимая стала... Он посмотрел на часы. Пять минут только прошло... Только!.. Пять минут это же страшно много!

Вялость и нерешительность овладели им.

Листая, просматривая, перетряхивая книги, Пантелеев выхватывал строчки, Случайно и по-неволе читал:

«Женщины, дети, облака. Белые общепитовские тарелки. Дохаживающая беременная в белой куртке и клетчатом платье, медленно идущая в магазин, останавливается и внимательно поправляет потревоженное ветром это самое клетчатое платье... Город, улицы, люди... Стекла, камни, металл... Злой зеленый Курузов на коне на одноименном проспекте...»

Что за бредовые попадались книги! разве могут в таких оказаться деньги? Разумеется, нет. Бедный пьяница все же еще почитал немного:

«Это настройка рояля. Я настраиваю рояль. Белые облака халатов. Белые халаты облаков...»

Белое, белое... Уж не была ли у меня горячка? – Пантелеев встревожился. – Как будто нет. Книжка была, как книжка. Облако на облаке. Название: *Ближе к небу*. Автор: *Жан Дув*. Издательство: *Архетип*.

Пантелеев лег и снова грезил: В книгу заложил... Закладки, заклады, закладывал... Родион Раскольников тоже закладывал... Только не деньги в книжку, а вещи старухе... А потом старуху убил. Бедный Раскольников. Старую старуху убил, и сколько лет его по поводу и без повода поминуют... И сколько еще будут поминать... И правильно. Потому что нельзя убивать... Нехорошо это... Да и не нужно совсем... Потому, собственно, и нельзя, что не нужно...

Вспомнилось Пантелееву, что и у Дмитрия Карамазова во французском лексиконе тысячный билет был заложен...

На всякий случай заглянул в Достоевского. И там ничего.

Пантелеев раскрыл и раскрыл книги. Нелепые мелькали страницы:

«Черного (темного) в моей жизни гораздо больше, чем белого (светлого). Я это постиг, обнаружив, что светлые брюки на мне гораздо скорее мараются...»

«... Они в мире живут с собой и в согласии. А я нет. Я не в мире и не в согласии... Я – нерв...»

Деньги не находились. квартира между тем начала оживать. Ребенок собирался к исповеди. Пантелеева не замечали. Он читал:

«Нет, я не скажу вам “верь”, как говорят проповедники, и не скажу “люби”... Что пользы, что под влиянием проповедей люди в лучшем случае осознают необходимость любви и веры – ведь осознание это еще не вера и не любовь – в этом деле сознание бессильно. Должен совершиться некий органический процесс в такой области, где действуют стихийные силы, в области воли...»

«Всех, всех нужно любить... И не только тех, кто слабее (что естественно), но и тех, кто сильнее... Богаче, удачливей... Потому что они тоже очень слабы в сущности...»

«Не было гражданской войны между белыми и красными (и зелеными, и анархистами, и кем угодно), была гражданская война внутри каждого отдельного человека...»

Пантелеев снова вспомнил про Митеньку Карамазова. У него были деньги во французском лексиконе спрятаны... Может быть, и я... Он потянул с полки словарь. Раскрыл, вытряс. Пусто.

На титуле прочел. Авторов было семь человек. Агапов, Антонов, Чемоданов, Баранов, Ильин, Розенберг. Пятьдесят тысяч слов. Всего. Больше все всемером ни одного слова не вспомнили... А может быть, больше уже ни одного и нет? Пантелеев загрустил. Неужели вся наша жизнь (или хотя бы все, что о ней, все, что в словах) в справочниках, энциклопедиях и словарях заключена и упрятана? Неужели этими только пятьюдесятью тысячами все на свете можно выразить и описать? Какая беспросветная и страшная замкнутость и ограниченность!..

Ох, как нехорошо иметь такие мысли утром и с похмелья! Бедные мы!

Ребенок собирался к исповеди. Старший ребенок у Пантелеева был уже довольно взрослый школьник. Сборы происходили шумно и трудно. Это напоминало игру *«Ну-ка разбуди»*...

На Пантелеева никто не обращал внимания. Верно, думали, что он все еще спит, пьяный, а он не спал. Он тоскливо сжимал руками голову: что делать?

Первое желание его было вполне естественно и разумно: немного отдохнуть, постараться успокоиться и дожидаться девяти, когда откроют овощной магазин. Этот овощной стоял немного в стороне от общих караванных путей, его не все знали, и там довольно хорошее вино довольно дешево можно было купить.

Хлопнула входная дверь. Ребенок ушел в церковь... Пантелеев вспомнил, что сам он исповедовался не очень давно, кажется... Нет, нет... Очень, очень давно... Добрый батюшка все спрашивал тогда: бросишь пить? Обещаешь?

А он только обещал: Постараюсь... А потом сам для себя неожиданно вымолвил: я, батюшка, блудными мыслями паче, чем пьянством, грешен...

Добрый батюшка не хотел говорить ему грустное, но сказал:

– Тебе ведь, если не переменишь свою жизнь, мало-мало ее осталось...

А Пантелеев нагл был и идя из храма думал, что батюшка вовсе не рисковал солгать ни в каком случае: здесь всегда мало, всегда быстротечно...

Отдохнуть, а главное немого успокоиться неожиданно легко удалось.

Даже если потеряны, даже если все деньги, даже если все деньги – это все равно не самое страшное.

Пантелеев старался думать обо всем возвышенно и отвлеченно, как о суете, как о проходящем. Суета сует и всяческая суета...

Но все равно надо было искать. Только делать это, решил Пантелеев, надо спокойно и методически...

Но книги на полках и вообще вокруг в полном беспорядке стояли, лежали, даже валялись.

Перебрать все? Это было совершенно невысказано. Тем более что сделать это надо было в один день: праздники, и дети подарков ждут, и не виноваты же они... И как он на них посмотрит...

Пантелеев снова приступил к розыскам, беспорядочно хватал то одну, то другую книгу:

«Угулбек (астроном) был внук Тимура (тирана и завоевателя)...»

«Была зима. Наши освободили деревню. Над сельсоветом вывесили алый флаг. И дети утром на мертвых немцах катались с гор: “Вези, родимый!”».

А в русском приложении к адаптированному французскому Мольеру он прочел в примечаниях:

«Le moufti, moufti, муфтий – ученый-богослов в дореволюционной Турции».

Ага! Значит и в Турции была революция!

Денег не было.

Не будет денег, скрипело в башке, и ничего не будет...

Тихо прошла по квартире жена. Пантелеев затаился. Зашумела в трубе вода. Жена вернулась и легла снова. Они спали в разных комнатах: жене было тяжело его пьяное поведение.

Пантелеев вертел в руках пустой стакан, и мысли, тревожные и неумеренные? шли и шли в голову: что же это со мной происходит?.. До чего я дошел? И почему так скоро?.. И чем это может кончиться?

Ничего хорошего происходящее не предвещало.

Провалы памяти. А где я был, когда не помню где?

Стало вспоминаться детство. Та же глупая бедность, гордость бедности, стыд бедности... И не стыдно было, что есть хотелось, а стыдно было, если заметят, что есть хочется... Гречневая каша и сухой пирог... Деревья за окном... Родные и близкие. Товарищи во дворе.

Пантелеев гнал он себя это. Непрошенные воспоминания напоминали подведение итогов. А подведение итогов это такая тоска.

Снова шли сами собой в голову мысли. Голые. Грязные.

«... Когда я уже совсем плохо буду помнить... Тогда... Цитрончик. Паровозик. Шарик...»

Я напрасно это изучаю,

Все равно я это все забуду...»

Пантелеев попытался найти для себя в себе хоть какой-нибудь утешительности. Разумеется, это будет легче, когда он немного выпьет. Но тогда труднее будет искать пропавшие деньги... Поиск утешительного мешает поиску денег. И наоборот.

Дилемма. Диалектика. Дерьмо...

В голову полезли слюва на «д»: дура, дыра, дым, двойка....

Пантелеев просмотрел и перетряхнул еще несколько изданий, мимоходом читая, вернее, выхватывая по несколько строк.

«Была скала. Она спала».

«Жили были две девки: Быль и боль».

«Пахло чем попало».

А что если в содержании книг, в их словах и смыслах найдется какой-нибудь ключ или код, который поможет проникнуть в тайное тайных его пошатнувшейся памяти?

Открыл еще одну и прочел.

«А не имеет ли расизм под собой почвы диалектической? Может быть, расистские чувства и склонности лишь некое скрытое ощущение расовой невозможности белому стать черным, а черному белым?»

Кода, ключа, смысла явно не чувствовалось.

Из некоторых книг выпадали закладки. Когда-то Пантелеев, дочитав до некоторого места, оставлял их, да так и забывал дочитать. Или отмечал закладкой особенно приглянувшееся ему место. И тоже забывал. И теперь вот они выпадали. Тонкими белыми лентами или змейками, извиваясь, падали на нечистый пол.

Пантелеев побрел в ванную. Из зеркала на него глянуло лицо, перекошенное гримасой боли, тоски, стыда и отчаяния.

Пантелеев вернулся. За окном побледнело. Может быть, это уже называлось рассвет?

В самом деле, было уже почти светло. Было как в женской бане: бело и розово. Утро.

Пантелеев кинулся на улицу очертя голову.

На ходу в его мозгу произвольно вертелись какие-то образы, сюжеты из этих самых читанных когда-то книг, одна из которых, может быть, теперь прятала и хранила его немногие, его необходимые, его бедные, насущные деньги...

...Солнце село... Нет, он легло... Нет... Что-то не то. Чехов. Каштанка... Собака Каштанка откликавшаяся на кличку Тетка и на кличку Талант... И пахло столярным клеем.

Еще пришел в голову Горький. Детство Ильи.

Это несомненно лучший рассказ пролетарского писателя.. Содержание незатейливо. Мальчик проводит лето, работая помощником мусорщика. Они вдвоем роются в помойках и там находят нечто, что иногда удается продать (утиль), а один раз мальчик находит даже серебряную ложку... И мальчику по душе эта жизнь. Он счастлив. Но – лето проходит, и мальчик не знает еще, что это была лучшая пора его жизни, что не будет больше никогда у него ни такой свободы, и ничего такого, и вообще ничего такого хорошего... Никогда.

Пока дошел до магазина Пантелеев вспомнил еще один рассказ не любимого им воообще-то писателя Горького. Но это был хороший рассказ. Он был назван именем женщины, кажется польки, но имени он вспомнить не мог. Баба была неграмотна и прислала некоего молодого человека писать за нее письма некому, кажется, Янеку. Он писал ей письма, писал... А некоторое время спустя она попросила его, – он долго понять не мог, чего она хочет, понял – удивился, ужаснулся: чтоб он ей непосредственно как адресатке написал письмо: от этого самого Янека, которому она писала и который был, оказывается, лицом воображаемым, мистическим... Просто ей хотелось писать кому-то письма, и чтобы этот кто-то тоже ей отвечал... Такое вот лютое одиночество.

Пантелеев закурил и больно закашлялся. Ему тоже было одиноко и хотелось любви.

Железная дверь магазина показалась мучительно тяжела. Он был первый, может быть, из покупателей в маленьком темноватом зале.

Продавищица в синем халатике стояла к нему задом. Разговаривала с кем-то внутри. И в это время из соседнего отдела ее громко позвали: Ванда! Она обернулась, и тогда Пантелеев сразу вспомнил, как звали женщину из рассказа Горького. Ванда. Ее именем и был назван рассказ. Хотя зачем, собственно, ему это было нужно? Книг мятежного буревестника он в доме не держал, следовательно денег там быть не могло.

Мечтательность, праздная мечтательность – вот что меня погубило и неуклонно продолжает губить... Зима...

Пантелеев приобрел вино и брел с ним назад. Идти, не выпив немного дорогой, было глупо и скучно, а главное – непривычно. Пантелеев выпил. Мир вокруг заблестел немного. И снег, и дома, и даже вороны на снегу – все стало немного красиво.

Грехи мои не в том, а в том...

Выпитого хватило забыться и уснуть. И еще осталось немного.

Но теперь пробуждение было немедленно тягостно: и страх, и отчаянье, и не было ответа на вопрос «Что делать?».

Позвать? Объяснить жене, чтоб вместе искать? Передать полномочия? Нет, это было невозможно. Среди книг попадались весьма нескромные (немного, правда), а она таких не любила.

Литературные образы и картинки шли в голову сами собой, притом кошмарные (он свои дурацкие книжки еще и читал иногда, не просто так стояли). Он, как в «Голоде» Гамсуна, третий день грыз одну деревянную щепку. Нет, он не потому ее грыз, что других не было, щепок-то было сколько угодно. Просто на третий день она все более разгрызалась и усваивалась.

Пантелеев вглядывался в ряды книг, сердцем пытаясь угадать которая. Взял несколько наугад, перетряхнул. Ничего. Никого. Ноль. Только из Ломоносова кокетливо выпорхнула открытка с артисткой. Перелистал Ломоносова: «Песчинка как в морских волнах...» Как ни странно, показалось утешительно.

В старом журнале напал на странный рассказ. Стал читать, хотя буквы вертелись и прыгали:

«Ленинград как средство от бессонницы, или Комсомольско-молодежный рейд по проверки правильности теории тов. Зигмунда Фрейда

Там, за окном, снег. Маленькая-маленькая метель.

Мы сидим у окна на кухне, пьем чай и кушаем друг друга. Так могут кушать друг друга только очень любящие друг друга люди.

“Человек состоит из мяса и костей” – так было написано в одной умеренно умной книжке. Возможно, так. Но сказано было прежде: “Тяжко мясу без мяса” (старинная сербская поговорка).

Но это неправда (первое утверждение). Человек состоит из двух приблизительно тысяч рыб, каждая из которых (в том и беда) совершенно не знает, куда ей плыть.

Но большая беда в том, что и я совершенно не знаю, куда хотела бы плыть малейшая из сказанных рыб...

...Ну, и что с того, что индийский слон выглядит не в пример задумчивей африканского?

... Любимая, она была с глазами в пол-лица...

А я? А я был прост и кроток, как игла адмиралтейская.

Тройка, семерка, дама...

А были и другие женщины. В Ленинграде. Несчастные, каменные... В Летнем саду. А знаете ли вы, что из тех каменных баб самая худая, естественно, Истина, а самая статная и крупная Юстиция (по-русски – Правосудие)?

Я ли кружил по городу, город ли вертелся вокруг меня? Не знаю, не помню. Летом.

Говорили: время идет.

Это непонятно. Куда идет?»

Бред какой-то. Псих или пьяный писал.

Заглянула жена. Так, ничего. Поговорили. Пантелеев улыбался вяло и неестественно. Жена не обратила внимания. Подумала, известный синдром.

– Я, – сказала она, – когда ты спишь, к тебе и заходить боюсь: то ли ты живой, то ли нет.

– Просто я очень хорошо в это время сплю. Сны совершенно как наяву. Только гораздо ярче.

Жена ушла. Пантелеев почитал еще немного. Из другой, из исторической книги, про эпидемию:

«Иностранцы, свидетели сего бедствия, сообщают две особенности:

1. Везде гибло молодых людей больше, чем старых.

2. Везде, где зараза миновалась, род человеческий необыкновенно размножился: сколь чудесна природа, всегда готовая заменить убыль в ее царствах новою деятельностью ее плодотворной силы!»

Пантелеев лег. В голове была какая-то стеклянная ясность.

Он не был ленив. Когда лежал, то только по причине своей болезни.

И теперь лежа он вспомнил, как в детстве, если он долго не вставал, бабушка в шутку звала его Ильей Ильичом, имея в виду Обломова.

Не вставая, допил вино.

Очнулся он поздно вечером. Рассказал жене.

– Можно я сама посмотрю?

Пантелеев махнул рукой: Давай!

А сам снова ушел на холодную темную улицу.

Мне, думал он, гуляя, то и дело хочется поехать, уехать куда-нибудь...

На это мне говорят: от себя не уйдешь... А так ли?..

Когда он вернулся, все было кончено. То есть все кончилось хорошо. Деньги женой были найдены и более или менее справедливо поделены.

– Где? – притворно яростно кривя повеселевшую пьяную морду. – Где? Скажи, кому я доверил, а он не отдал... Изорву в клочья!

Оказался Чехов. Записные книжки. Том 17, с. 78:

«Женщина с деньгами. Всюду запряты деньги. И на шее, и между ногами».

Разумеется, 17 том Антона Павловича он в клочья не разорвал.

Засыпая, умиротворенный, думал: А что? Так и живем: в ежедневных заботах о хлебе насущном, и редких-редких о благе душевном...